

Е.М. Бутенина, А.В. Чернышев

ИНТЕРДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ ЛАТИНСКИХ ЭНТОМОСЕМИЗМОВ)

Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия; butenina.em@dvfu.ru

Дальневосточный федеральный университет, Национальный
научный центр морской биологии им. А.В. Жирмунского ДВО РАН,
Владивосток, Россия; chernyshev.av@dvfu.ru

Аннотация. В статье рассматривается феномен интердискурсивности на примере включения в художественный текст латинских энтомосемизмов (номинаций насекомых) с указанием наименования их вида и рода. Исследование показало, что такие энтомосемизмы нередки в художественной литературе, в частности в приключенческой, научно-фантастической и автобиографической прозе. На примере проанализированного материала можно увидеть, что латинские названия далеко не всегда подчеркивают научность текста, а могут придавать ему и гротескность, и ироничность. Кроме того, делается вывод, что этот прием более характерен для прозы XIX и XX вв., чем для современной литературы.

Ключевые слова: интердискурсивность, номинация насекомых, латинские энтомосемизмы, литературная энтомология

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-3-4

Благодарности. Выражаем благодарность читателям «Живого журнала», которые откликнулись на просьбу авторов и прислали интересные примеры использования латинских названий в художественной литературе. Также мы очень признательны профессору Хироси Кадзихара (Университет Саппоро) за перевод отдельных цитат из «Женщины в песках» с языка оригинала на английский язык и комментарии к роману.

Бутенина Евгения Михайловна — доктор филологических наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет; butenina.em@dvfu.ru

Чернышев Алексей Викторович — доктор биологических наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет, главный научный сотрудник Национального научного центра морской биологии им. А.В. Жирмунского ДВО РАН; chernyshev.av@dvfu.ru

© Бутенина Е.М., Чернышев А.В., 2025

Для цитирования: Бутенина Е.М., Чернышев А.В. Интердискурсивные маркеры в художественном тексте (на примере латинских энтомосемизмов) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 28. № 3. С. 64–80. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-3-4

Введение

Феномен интердискурсивности как использования элементов одного дискурса в пространстве другого уже не раз становился предметом отдельных исследований [см., например, Олизько, 2007; Вишнякова, Панькина, 2014; Папулова, 2015; Афинская, 2022; Грецкая, 2022; Кожанов, 2022; Полубиченко, 2025]. В данной статье он рассматривается на примере включения в художественный текст латинских энтомосемизмов (номинаций насекомых) с указанием наименования их вида и рода. Этот аспект представляет интерес как дополнение к существующим по данной научной проблеме исследованиям, в частности, к коллективной монографии «Мир насекомых в пространстве литературы, культуры и языка» [Мир насекомых..., 2020]. В монографии исследуется аллегорический потенциал мира насекомых в мифологии, фольклоре и литературе: прозе (Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, А.П. Платонова, Б.Ш. Окуджавы, А.А. Кима, Дж. Фаулза, В.О. Пелевина) и поэзии (А.С. Пушкина, Я.П. Полонского, Б.Л. Пастернака). Большинство исследователей, занимающихся данной научной проблемой, — филологи (в упомянутой монографии их сорок четыре из сорока пяти авторов, и только один автор — биолог (К.А. Ефетов)). Настоящая работа — результат сотрудничества биолога и филолога, что повышает достоверность ее научных выводов.

Основная цель работы — показать значение латинских энтомосемизмов в художественных текстах. Известно более миллиона видов насекомых: это больше, чем всех других описанных организмов вместе взятых. Насекомые неоднократно упоминаются в Библии и становятся персонажами или символами в художественных текстах с начала XIX века: достаточно вспомнить приключенческий рассказ «Золотой жук» (1843) Эдгара По, сказки «Приключения пчёлки Майи» (1912) Вальдемара Бонзельса, «Приключения муравья Ферды» Ондржея Секоры (1936), сказки в стихах «Тараканище» (1921) и «Муха-Цокотуха» (1923) Корнея Чуковского, антиутопическую новеллу «Превращение» (1912) Франца Кафки, романы «Коллекционер» (1963) Джона Фаулза и «Жизнь насекомых» (1993) Вик-

тора Пелевина. Иногда в произведениях приводятся не народные, а латинские названия насекомых, что несет определенный смысл, который остается практически неизученным.

Латинские названия в биологии

Следует пояснить, что, согласно нормам биологической систематики, любой описанный организм от бактерий до позвоночных животных имеет латинское название, состоящее из родового имени и видового эпитета, и при этом первое, родовое, название всегда пишется с большой буквы, а второе, видовое, — с маленькой¹. Эти названия могут иметь разное происхождение: латинское (*Canis lupus*), греческое (*Papilio machaon*), японское (*Nipponia nippon*), русское (*Fignya melkaya*) и другие. Латинские названия, в отличие от народных (на разных языках), универсальны и используются во всем мире. Биноминальные названия видов были узаконены в середине XVIII века шведским натуралистом Карлом Линнеем, и вот уже более двухсот пятидесяти лет зоологи и ботаники используют эту систему.

После латинского названия вида могут приводиться фамилии тех ученых, которые его предложили (фактически — описали вид), при этом используются только буквы латиницы, то есть русские, японские, китайские и многие другие фамилии транслитерируются на любой другой европейский язык, в котором используется латиница. Например, *Homo sapiens* L. — означает, что это латинское название предложил Линней (его фамилия сокращается до буквы L). Имя открывателя вида таким образом навсегда «прикрепляется» к названию этого вида (хотя в тексте название вида можно приводить и без его автора), что нередко составляет мечту исследователя. Как замечает Кобо Абэ в романе «Женщина в песках»: «У энтомолога есть свои бесхитростные и непосредственные радости — обнаружение нового вида. Удастся это — и в энтомологическом атласе рядом с длинным ученым латинским названием найденного насекомого появится и твое имя, и не исключено, что оно останется там на века» [Абэ, 1988: 24].

Латинские названия в художественной литературе

Впрочем, писатели нередко иначе понимают то, каким образом ученый хочет увековечить свое имя. Жюль Верн в «Пятнадцатилетнем капитане» изображает смешного и до нелепости чудаковатого

¹ В работах XVIII и XIX вв. видовые латинские названия могли быть написаны с большой буквы — это, прежде всего, относится к видам, названным в честь людей.

энтомолога кузена Бенедикта (так, вероятно, тогда воспринимали всех любителей «букашек» — сравните с более серьезным и обстоятельным знатоком морских организмов профессором Аранаксом в романе «Двадцать тысяч лье под водой»), который на протяжении всей книги мечтает найти новое насекомое, и в самом конце его ожидания вознаграждаются. И что же он восклицает? «Ах, друзья мои, небо все-таки даровало мне это счастье! Наконец-то мое имя войдет в науку! Это насекомое будет названо *Hexapodes Benedictus*!»² Так, по мнению Жюль Верна, Бенедикт мечтает увековечить свое имя в латинском наименовании вида, который в переводе на русский язык будет называться «шестиног бенедиктовый». При этом, надо полагать, он сам и опишет названный в честь самого себя вид.

Сходный пассаж мы находим у Конана Дойла в «Маракотовой бездне», и касается он ракообразных: «Поразительно! — воскликнул Маракот, лихорадочно черкая в записной книжке. — Глаза на подвижных члениках, эластичные суставы — род crustaceae, вид неизвестен. *Crustaceus Maracoti*. Почему бы и не так, а?»³ Однако называть в честь самого себя новые виды считалось (и считается) неэтичным, хотя единичные примеры такой практики существовали [Хёрд, 2022]. Очевидно, что для писателей назвать вид в честь самого себя — признак неприкрытого, а в современных реалиях — гротескного тщеславия.

Совсем иное дело — назвать вид в честь другого человека. Но и здесь автор может преподнести это в комическом свете, как, например, А. Конан Дойл в «Затерянном мире». Профессор Челленджер предлагает назвать новый вид присосавшегося к журналисту Мелону клеща (вид паукообразных) *Ixodes maloni*: «Надеюсь, вы согласитесь со мной, мой юный друг, что маленькое неудобство, перенесенное вами, ничто в сравнении с увековечением вашего имени в бессмертных анналах зоологии»⁴.

Образ энтомолога (профессионала или любителя) неоднократно преподносился в комическом виде и в XX веке. Например, в сказке Туве Янссон заикливший на насекомых Хемуль произносит латинское название бабочки вслух, принимая за нее комету: «Ума не приложу, — бормотал Хемуль. — Ни одной с красным хвостом! А что,

² Верн Ж. Пятнадцатилетний капитан / пер. И. Петрова // Собрание сочинений в 8 т. Т. 7. М.: Правда, 1985, с. 532.

³ Дойл А.К. Маракотова бездна / пер. Е. Толкачева // Затерянный мир. М.: Правда, 1990, с. 316.

⁴ Дойл А.К. Затерянный мир / пер. Н. Волжиной // Затерянный мир. М.: Правда, 1990. С. 150.

если это *Dideroformia archimboldes*? Но это совсем обычная бабочка, и у нее вовсе нет хвоста»⁵. Писательница приводит несуществующее название бабочки, и ее цель — посмеяться над чудаковатыми и ограниченными собирателями насекомых, в мире которых нет ничего, кроме предмета коллекционирования.

Чудаковатых зоологов, увлеченных вымышленными объектами «исследования», можно найти не только в приключенческой и детской литературе. Так, в сборнике фантастических «рассказцев» Андрея Саломатова «Парамониана» встречается такой диалог:

«— Очень интересно, — разглядывая Покровского, сказал Дроф. — За пределами нашего мира мне приходилось наблюдать фей. Но чтобы здесь... Невероятно! А какой, простите, вид?

— Судя по всему, *Fata robustus*. Она крупная, — ответил Покровский.

— Зелененькая? — поинтересовался профессор.

— Нет, беленькая, — наблюдая, как горничная ставит на стол графин и рюмки, сказал писатель.

— А глазки красненькие?

— Нет, синенькие.

— В таком случае, Владимир Валерьевич, это не *robustus*, — торжественно произнес Дроф. — Это *Fata malitiosus*»⁶.

В диалоге обыгран нередко встречающийся среди энтомологов спор по поводу верности определения вида, но выглядит он псевдонаучно, поскольку речь идет о видах сказочных персонажей. Ученым словно нет разницы, кого они классифицируют, — бабочек или фей.

Однако в XX веке появляются и новые образы литературных энтомологов, отнюдь не комические. Вернемся к герою Кобо Абэ, который занимается мухами, и мы не знаем, описал ли он ранее новый вид (для энтомологов это обычная практика). Трепетное отношение японцев к насекомым не делает изучение «мошек» чем-то смешным — это тот же поиск нового, что открытие новых земель и астероидов. Герой и далее изучал бы своих двукрылых, но его жизнь круто меняет случай. Эпизод, связанный с названием вида, содержит переводческую ошибку и в русском, и в английском языках. Приведем его сначала в английской версии Э. Дейла Сондерса: «One day in the dry river bed near his house he discovered a smallish

⁵ Янссон Т. Муми-Троль и Комета / пер. В. Смирнова // Муми-Троль и комета. Шляпа волшебника. Волшебная зима. Наука: Сибирское отделение. 1992, с. 59.

⁶ Саломатов А. Парамониана. Рассказец № 48. URL: <https://www.litlib.net/bk/63728/read/21> (дата обращения: 25.10.2024).

light-pink insect which resembled a doublewinged garden beetle (*Cicindela japonica Motschulsky*)»⁷. В этом фрагменте приводится не только латинское название, но и автор вида (В.И. Мочульский), что подчеркивает и научный взгляд на находку, и то, что этот вид уже описан. Но английский переводчик искажил первоначальную латынь (в оригинале это *Cicindela japona* — другой реально существующий вид) и неверно дал английское название для этого жука — *doublewinged garden beetle*. На самом деле это жук-скакун, или *tiger beetle*.

Перевод В. Гривнина на русский язык еще сильнее отходит от оригинала: «Однажды в высохшем русле речки неподалеку от дома он увидел малюсенькое желтоватое насекомое, напоминавшее испанскую мушку, принадлежащую к семейству жесткокрылых (*Cieindela Japonica, Motschulsky*)»⁸. Помимо того, что с ошибкой написано родовое название, появляется «семейство жесткокрылых» (тогда как это отряд), а жук-скакун превращается в «испанскую мушку» — жука из семейства нарывников, который с античности использовался как афродизиак. Это придает фрагменту слишком откровенный эротический подтекст, а «испанская мушка», не даваясь в руки энтомолога, недвусмысленно зовет его на поиски сексуальных приключений. В итоге герой стал выглядеть в глазах сведущего читателя нелепо. Причины такой ошибки могло стать то, что переводчик отталкивался не от латинского названия жука, а от японского слова «Нантмё», которое относится не только к жукам-скакунам, но и к жукам-нарывникам из рода *Mylabris* — родственникам «испанской мушки»⁹. Возникает вопрос, насколько существенно, о каком жуке идет речь, но следует помнить, что символизм энтомосемиотики очень важен для японской культуры и разные виды жуков могут нести разный смысловой контекст [Гуревич, Изотова, 2019]. И только латынь в переводах «спасает» ситуацию, поскольку если бы не она (а переводчики нередко «избавляются» от нее), то понять, о каком именно насекомом идет речь, было бы просто невозможно.

Однако наше внимание привлекли даже не эти ошибки, а то, почему автор использует латинское название уже описанного жука, подчеркивая авторство Мочульского. Ведь ранее (и мы процитировали этот фрагмент) главный герой утверждает, что желанная цель

⁷ Abe K. The Woman in the Dunes / Tr. by E. Dale Saunders. Tokyo: Charles Tuttle Company, 1976, c. 11.

⁸ Абэ К. Женщина в песках / пер. В. Гривнина. М.: Худ. лит-ра, 1988, с. 24.

⁹ Публикация в блоге <https://kanjimushi.exblog.jp/240993717/> Авторы выражают благодарность профессору Хироси Кадзихара за перевод этой цитаты с японского языка на английский.

энтомолога — найти новый вид и дать ему новое имя, навсегда оставив о себе память как о первооткрывателе вида. Здесь же ситуация прямо противоположная: главный герой видит известного жука, а не неизвестную муху, и, теряя интерес к мухам, начинает поиски этого ускользнувшего жука. В энтомологии специалист занимается исключительно конкретной группой насекомых, например, мухами или жуками (обычно — только одним семейством), поскольку число видов огромно и изучать всё невозможно. Менять одну группу (например, мух) на другую (жуков) выглядит нереалистичным. Но герой действительно переключается на жука — более того, на конкретный описанный вид. Из десятка разных видов жуков-скакунов Японии Кобо Абэ выбирает более скромный в окраске вид *Cicindela japana*, а не яркую *Cicindela japonica*. Почему? Это те загадки, которые могут стать предметом отдельных исследований, но ключом для них служит именно латинское название.

Наименования бабочек у Набокова

Произведения Набокова давно стали объектами исследований не только филологов, но и энтомологов. Набоков — безусловный виртуоз использования латинских названий в художественном тексте. Недаром существует монография, в которой сведены и разобраны все данные о бабочках в его произведениях и неопубликованных материалах [Zimmer, 2012]. Просто упоминание латыни для Набокова слишком тривиально, латинизмы для него полны символического смысла. В автобиографии «Другие берега» Набоков точно описывает ощущения ученого, в честь которого назван тот или иной вид: «Признаюсь, вскипаю непонятым волнением, когда перебираю в уме свои энтомологические открытия — изнурительные труды, изменения, внесенные мной в систематику, <...> образ и вибрацию во мне всех редкостных бабочек, которых я сам и поймал и описал, и свою отныне бессмертную фамилию за придуманным мною латинским названием или ее же, но с малой буквы, и с окончанием на латинское “i” в обозначении бабочек, названных в мою честь»¹⁰. В приведенной цитате Набоков отнюдь не иронизирует над собой — для него вид, описанный им или названный в его честь, бесценный дар, ибо он способен пережить даже его произведения.

Если обратиться к стихотворению Набокова «Бабочка», то становится ясно, что он считал описание новых видов бабочек чуть ли не главным своим достижением.

¹⁰ Набоков В.В. Другие берега // Собрание сочинений в 4-х т. Т. 1. М.: Правда, 1990, с. 206.

I found it and I named it, being versed
in taxonomic Latin; thus became
godfather to an insect and its first
describer — and I want no other fame.

Я вид открыл! Его назвал потом,
латынь научная так для меня важна!
Для бабочки я крестным стал отцом —
и мне другая слава не нужна!
(Перевод К.А. Ефетова [Мир насекомых..., 2020: 103]).

Примечательно, что Набоков очень редко использует латинские названия любимых им насекомых в своих произведениях — ему не нужно имитировать язык энтомолога, поскольку он и так является им. Даже в автобиографии он упоминает латинское название бабочки лишь однажды: «...я пробирался по берегу Оредежи, преследуя так называемых “черных аполлонов” (*Parnassius mnemosyne*), диковинных, древнего происхождения бабочек с полупрозрачными, глянцевыми крыльями и пушистыми вербными брюшками»¹¹. Упоминание латинизма рядом с поэтичным описанием создает интересное сочетание научного и художественного дискурсов, отражающее в данном случае две ипостаси автора.

В автобиографическом романе «Дар», вершине его русскоязычной прозы, Набоков тоже упоминает латинское наименование бабочки лишь один раз: «...мой отец открыл истинную природу роговистого образования, появляющегося под концом брюшка у оплодотворенных самок аполлонов, выяснив, что это супруг, работая парой шпательных отростков, налагает на супругу лепной пояс верности собственной выделки, получающийся другим у каждого из видов этого рода, то лодочкой, то улиткой, то — как у редчайшего темно-пепельного *orpheus* Godunov — наподобие маленькой лиры»¹². Здесь попытки угадать бабочку по видовому названию (родовое название автор не приводит, что также необычно) бессмысленны — это выдуманный вид, и на это указывает автор вида, отец главного героя. Однако видовое название «*orpheus*» и «лира» здесь сведены не случайно — это типичное для Набокова переплетение символов. Отец главного героя уподобляется Орфею, верному своей стезе поэта и находящемуся в поисках единственной Эвридики.

Другие упоминания бабочек в «Даре» представляют собой своеобразные элитарные ребусы: «На скабиозе <...> поместилась

¹¹ Набоков В.В. Другие берега // Собрание сочинений в 4-х т. Т. 1. М.: Правда, 1990, с. 255.

¹² Набоков В.В. Дар // Собрание сочинений в 4-х т. Т. 1. М.: Правда, 1990, с. 101.

красно-синяя, с синими сяжками, цыганка, похожая на ряженого жука»¹³. Специалисты пришли к выводу, что речь идет о бабочке пестрянке скабиозной. Латинское название — *Zygaena osterodensis*, родовое название можно прочесть и как Зигена, и как Цигена — автор видоизменил его до «цыганки». Другой пример: «То не лист, дар Борея, то сидит *arborea*»¹⁴. Автор использует лишь видовое название, предоставляя читателям самим догадаться, о какой бабочке идет речь. А это непросто, поскольку бабочек с видовым названием *arborea* немало. По предположению Д. Циммера, здесь речь идет о мотыльке *Phyllodesma japonica arborea* (триним в данном случае говорит о подвиде), который в состоянии покоя имитирует сухой лист [Zimmer, 2012].

Биномиальные энтомосемизмы Набокова могут иметь скрытый характер и создавать иронический эффект. Так, в «Лолите» главный герой называет себя Humbert Humbert, и всякий, кто знает зоологическую номенклатуру, не без труда увидит здесь тавтономическое название вроде *Gorilla gorilla*, когда видовое и родовое названия совпадают. Традиционно такие названия переводятся на русский как «обыкновенный», то есть получается «Гумберт обыкновенный». Но такие виды являются типовыми в своих родах, и тогда перевод может быть «Гумберт типичный». Налицо авторский сарказм по отношению к герою, безосновательно претендующему на оригинальность своей личности.

Бабочки, Набоков и современная проза

Интересен рассказ современного писателя А. Лаврина «Бабочка», в котором объектом пародии становится сам Набоков. Рассказ начинается следующим пассажем об отце героя: «Когда на одном из политических митингов какой-то маньяк выстрелил в Махаона (*Papilio machaon*), его отец успел кинуться и прикрыть собою вождя парусников. Хрупкое тело подалирия (*Iphiclides podalirius*) разлетелось на мелкие части — и еще долго над потрясенными бабочками носились чешуйки крыльев и обрывки усиков, движимые восходящим воздухом»¹⁵. Обстоятельства гибели бабочки-отца практически воспроизводят гибель отца Набокова, который ценой своей жизни защитил П.Н. Милюкова от выстрела черносотенца. Бабочки в рассказе, как и Набоковы на момент гибели отца семейства, живут в эмиграции.

¹³ Набоков В.В. Дар // Собрание сочинений в 4-х т. Т. 1. М.: Правда, 1990, с. 120.

¹⁴ Там же, с. 85.

¹⁵ Лаврин А. Бабочка // Континент. № 67. 1991, с. 50.

Героя зовут Аполлон Парнасский (*Parnassius apollo*), но он предпочитает называться просто Бабочка, при том, «что род его был старинный и знатный — происходивший из Древней Греции, едва ли не от самого сына Зевса и отца Орфея; об этом, в частности, свидетельствует Книга Царств и Судеб»¹⁶. Набоков в своей автобиографии подробно излагает глубокие аристократические корни своей семьи.

Вскоре упоминается, что Бабочка явил миру скандальный роман «Куколка» — в тексте своего романа Набоков объясняет, что это одно из значений имени Лолита. Реальный литературный мир тоже включается в жизнь бабочек: упоминается «Улисс», цитируется строка Ахматовой, приобретающая новый смысл в инсектном коде рассказа: «“Все мы бражники здесь, блудницы...”»¹⁷. Жизнь бабочек в эмиграции так же непроста, как и жизнь настоящих русских эмигрантов: «Заговор Разнокрылых составил в Тыкобинском клубе; составили его Адмирал (*Vanessa atalanta*) и Мертвая Голова (*Aherontia atropos*)»¹⁸. Адмирал и Мертвая Голова скорее похожи на прозвища пиратов, и латинские названия в данном случае подчеркивают, что персонажи именно бабочки, пусть и антропоморфные.

Рассказчик заканчивает свое повествование, не коснувшись скандального романа, а лишь изложив эпизод, в котором Бабочка проявил благородство и смелость и, несмотря на арест, не выдал важный документ заговорщиков. Свою сдержанность рассказчик объясняет так: «Иначе кто прочтет эти воспоминания благополучно забытого нынешней литературной молодежью старого, нудного Голубянки Икара (*Polyommatus icarus*) с его вечным стремлением к моралите и обстоятельной описательностью, давно вышедшей из моды в наш динамический век? Мне хотелось осветить не скандальные страницы жизни Бабочки, а те, которые рисуют его высокие человеческие (*Homo sapiens*) качества»¹⁹.

Итак, рассказ Лаврина изобилует латинскими названиями, которые имеют уточняющий характер и не несут научного назначения, поскольку персонажи — бабочки разных видов, живущие в квазиреальном социуме. При этом в контексте рассказа автору чрезвычайно важно, чтобы имя героя не перевесило его энтомологическую сущность, и мир насекомых не увел нас в мир античных мифов,

¹⁶ Лаврин А. Бабочка // Континент. № 67. 1991, с. 50.

¹⁷ Там же, с. 56.

¹⁸ Там же, с. 56.

¹⁹ Там же, с. 70.

откуда пришли, например, имена Махаон и Подалирий. Интересно сопоставление текста Лаврина с романом «Жизнь насекомых» В. Пелевина, где нет никаких латинских названий, поскольку это мир людей, которые живут, как насекомые, в то время как у Лаврина насекомые живут, как люди.

Насекомые — персонажи иронического контекста

Рассказ Лаврина далеко не единственный пример, когда насекомые становятся заглавными персонажами в ироническом контексте. Как минимум два таких примера можно найти в творчестве Эдгара По. В рассказе «Золотой жук» упоминается вымышленное латинское название, что придает псевдонаучную достоверность насмешливому высказыванию героя: «В таком случае вы дурачите меня, милый друг, — сказал я ему. — Вы нарисовали довольно порядочный череп, готов допустить даже, хотя я и полный профан в остеологии, что вы нарисовали замечательный череп, и, если ваш жук на самом деле похож на него, это самый поразительный жук на свете. Жук с такой внешностью должен вызывать суеверное чувство. Я не сомневаюсь, что вы назовете его *Scarabaeus caput hominis* или как-нибудь еще в этом роде; естественная история полна подобных наименований»²⁰. Название *caput hominis* отсылает нас к бабочке *Acherontia atropos* (мертвая голова, death's-head hawkmoth), поэтому в него заложен элемент суеверия и мистицизма, которые так любил По.

«Мертвая голова» появляется и в рассказе «Сфинкс», однако в переводе В. Хинкиса сохранен подробный научный контекст, но не название на латыни: «Но позвольте для начала прочесть вам из школьного учебника описание одного из представителей рода сфинксов, — семейство бражников, отряд чешуекрылых, класс насекомых. Вот что здесь сказано: “Две пары перепончатых крыльев усеяны мелкими цветными чешуйками с металлическим отливом; ротовые органы имеют вид спирально закрученного хоботка, образованного удлинёнными челюстями, причем по бокам от него находятся недоразвитые челюстные придатки и ворсистые щупики; верхние крылья сцеплены с нижними посредством жестких щетинок; усики имеют продолговатую, призматическую форму; брюшко заострено книзу. Сфинкс вида Мертвая голова внушает простонародью суеверный ужас своим тоскливым писком, а также эмблемой

²⁰ По Э. Золотой жук / пер. А. Старцева // Убийство на улице Морг и другие рассказы. Нижний Новгород: Курьер, 1994, с. 246.

смерти на грудном покрове»²¹. Однако в оригинале латинское название присутствует: “the genus *Sphinx*, of the family Crepuscularia of the order Lepidoptera, of the class of Insecta”²². В переводе этих двух рассказов По налицо две противоположные стратегии: сохранение научного колорита оригинала (форенизация) и его упрощение (доместикация).

Латинские названия не только создают научный подтекст, но и показывают нам в саркастическом свете общество одержимых коллекционеров, готовых ради уникальных образцов на все. Это наглядно показано в рассказе Чапека «Похищенный кактус», где главный герой одержим увиденным во сне видом *Cephalocereus nymphea aurea* и готов за него пойти на преступление и даже умереть мучительной смертью на шипах... кактуса. Надо сказать, что тема одержимости коллекционеров неоднократно поднималась в литературе, но далеко не всегда авторы считали уместным приводить латинские названия объектов коллекционирования. Так, у Фаулза в «Коллекционере» латинские названия бабочек не упоминаются — для него научная составляющая увлечения главного героя отходит на задний план (а, фактически, сводится к нулю), поскольку в нем не осталось ничего от любителя-энтомолога, кроме фанатичной жажды обладания живой красотой, которую воплощает Миранда.

Из личного опыта общения автора (А.Ч.) с коллекционером бабочек можно упомянуть, что один любитель-энтомолог рассказал, как поймал хороший экземпляр дульсины (бабочка *Actias dulcinea*), и на ироничный вопрос «Тобосской?» заметил: «Надо наконец прочитать, кто это такая, а то мне часто задают этот вопрос». Мы видим два разных подхода к раскрытию зацикленности на объектах коллекционирования: в одном случае весь мир сужается и комета становится бабочкой (Янссон), и наоборот, объектами коллекционирования становятся уже не насекомые, а люди (Фаулз).

Заключение: динамика и эволюция

Латинские энтомосемизмы ожидаемы в географической прозе, и их немало, например, в работах Н. Пржевальского и В. Арсеньева, однако данное исследование показало, что они нередки и в художественной литературе, в частности в приключенческой

²¹ По Э. Сфинкс / пер. В. Хинкиса // Убийство на улице Морг и другие рассказы. Нижний Новгород: Курьер, 1994, с. 403–404.

²² Poe E.A. The Sphinx. URL: <https://classic-literature.co.uk/the-sphinx/> (дата обращения: 25.10.2024).

(Э. По, А.К. Дойл) и научно-фантастической прозе (Жюль Верн, А. Лаврин), а также в притче (Кобо Абэ) и автобиографии, в том числе автобиографическом романе (В. Набоков). На примере проанализированного материала можно увидеть, что латинские названия в художественной литературе далеко не всегда подчеркивают научность текста, а могут придавать ему и гротескность, и ироничность, демонстрируя, до чего может довести увлечение «букашками». И только латынь «спасает» ситуацию, поскольку если бы не она (а переводчики нередко «избавляются» от нее при переводе на русский), то понять, о каком именно насекомом идет речь, просто невозможно. Именно поэтому литературные энтомологи столь нелюбимы в научной среде, поскольку однобоко отражают суть биологической систематики как науки. В этом плане произведения Набокова остаются недостижимым эталоном сочетания научности и художественности в раскрытии темы энтомологии. В целом можно сделать вывод, что прием включения латинских энтомосемизмов в художественный текст более характерен для прозы XIX и XX вв., чем для современной литературы.

Нужно также отметить эволюцию образа энтомолога и вообще любителя насекомых в литературе. В стихотворении Ивана Крылова «Любопытный» (1814) любитель «букашек», «козявок» и «мушек» не приметил в Кунсткамере слона и стал символом посмешища. В романе Жюль Верна «Пятнадцатилетний капитан» (1878) энтомолог такой же комический персонаж, оторванный от реальной жизни, как и хемуль — коллекционер бабочек в сказке Туве Янссон «Муми-Тролль и комета» (1948), созданной несколько десятилетий спустя. Однако в романе Кобо Абэ «Женщина в песках» (1962) герой становится фигурой почти трагической. Абэ, помимо общего интереса к насекомым в японской культуре, о чем говорилось выше, могла вдохновить англоязычная автобиография Набокова «Память, говори» (*Speak, Memory*), опубликованная в 1951 году. В рассказе Лаврина, созданном в конце XX века, заглавный герой Бабочка — пародия на Набокова, но это не энтомолог, а насекомое, способное, однако, на благородный поступок.

С начала XX века в литературе появляются отрицательные персонажи, которые скрываются под личиной любителей насекомых. Первым таким персонажем, вероятно, был Джек Стэплтон в «Собаке Баскервиль» (1902), днем гонявшийся по болотам за редчайшей бабочкой из рода *Cyclopides* (до сих пор непонятно, о каком реальном виде бабочек писал Артур Конан Дойл), а ночью натрав-

ливавший гигантскую собаку на своих жертв. Позже тему любителя насекомых, ставшего преступником, развивает Джон Фаулз в «Коллекционере» (1963).

В конце XX и в начале XXI века образ энтомолога в литературе в каком-то смысле зашел в тупик и утратил актуальность в том контексте, в котором существовал на протяжении столетия, и латынь в привязке к этим героям перестала удивлять и проводить черту между миром простых людей и чудаков с сачками. Маргинализм увлечения насекомыми стал изображаться значительно более пугающе. Теперь мало изобразить бабочку «Мертвая голова», как это делает Эдгар По, — в романе Томаса Харриса «Молчание ягнят» (1988) маньяк разводит этих бабочек, чтобы засовывать их куколок в горло своих жертв. Насекомые как герои художественных произведений словно перестали нуждаться в латинских названиях, и Пелевина в этом смысле можно назвать анти-Набоковым или анти-Лавриным, который ставит мух и комаров в суровые условия взрослой жизни с реальными человеческими именами («Жизнь насекомых» написана в 1993 году). Любопытно, что «кризис» в использовании латинских названий в литературе совпал с острой дискуссией относительно целесообразности использования линнеевской бинарной номенклатуры в зоологии и ботанике. В каком виде вернуться латинские названия насекомых в литературу и вернуться ли они вообще? Эволюцию литературы невозможно предсказать, как и то, какой будет энтомология, скажем, через сто лет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Афинская З.Н.* Функция форманта квази/quasi в процессе интердискурсивного взаимодействия (на материале русского и французского языков) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 3. С. 89–96.
2. *Вишнякова О.Д., Панькина Ю.А.* Интертекстуальные включения в когнитивно-прагматическом и переводческом аспектах // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 4. С. 71–80.
3. *Грецкая С.С.* Пространство как коммуникативный код и когнитивно-функциональное моделирование аккультурации в художественном тексте // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 1. С. 58–67.
4. *Гуревич Т.М., Изотова Н.Н.* Энтомологический код японской культуры // Японские исследования. 2019. № 1. С. 73–93.
5. *Кожанов Д.А.* Феномен интердискурсивности в англоязычной металитературе // Язык и культура. 2022. № 59. С. 37–53.
6. *Мир насекомых в пространстве литературы, культуры и языка.* Коллективная монография / Отв. ред. А.И. Смирнова. М.: Книгодел; МГПУ, 2020.

7. Олизько Н.С. Интердискурсивность как категория постмодернистского письма // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 15. С. 95–104.

8. Папулова Ю.К. Маркеры интердискурсивности в романах П. Акройда и проблема их сохранения в переводе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 5 (47). С. 132–138.

9. Полубиченко Л.В. Топология «чужого слова» в английских и русских аллюзивных заглавиях // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2025. Т. XXII, Вып. 1. С. 208–217.

10. Хёрд С. Усоногий рак Чарльза Дарвина и паук Дэвида Боуи: Как научные названия воспевают героев, авантюристов и негодяев / пер. К. Рыбаков. М.: АНФ, 2022.

11. Zimmer D.E. A Guide to Nabokov's Butterflies and Moths: Web version, 2012. URL: <http://www.d-e-zimmer.de/eGuide/PageOne.htm> (дата обращения: 25.10.2024).

Evgenia M. Butenina, Alexei V. Chernyshev

INTERDISCURSIVE MARKERS IN FICTION (A CASE STUDY OF LATIN ENTOMOSEMISMS)

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia; butenina.em@dvfu.ru

Far Eastern Federal University, A.V. Zhirmunsky National Scientific Center of Marine Biology Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia; chernyshev.av@dvfu.ru

Abstract. The paper examines interdiscursivity in fiction and focuses on the inclusion of Latin entomosemisms (insect names) which indicate the name of the species and their genus. The study shows that these inclusions are not uncommon in fiction, in particular in adventure, science fiction and autobiographical prose. The analyzed material shows that Latin names do not always emphasize the scientific nature of the text, but can also impart grotesqueness and irony to it. In addition, it is noted that this technique is more typical of the prose of the 19th and 20th centuries, rather than of contemporary literature.

Keywords: interdiscursivity, Latin entomosemisms, insect nominations, literary entomology

Acknowledgements. We would like to thank the readers of LiveJournal who responded to the authors' request and sent many interesting examples of using Latin names in fiction. We are also very grateful to Professor Hiroshi Kajihara (Sapporo University) for translating the relevant quotes from the original text of "Woman in the Dunes" and commenting on the novel.

For citation: Butenina E.M., Chernyshev A.V. (2025) Interdiscursive markers in fiction (a case study of latin entomosemisms). *Lomonosov Linguistics and*

About the authors: Evgenia M. Butenina — Dr. Habil. in Philology, Associate Professor, Far Eastern Federal University; butenina.em@dvfu.ru; Alexei V. Chernyshev — Dr. Habil. in Biology, Associate Professor, Far Eastern Federal University, chief researcher of A.V. Zhirmunsky National Scientific Center of Marine Biology Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences; chernyshev.av@dvfu.ru

REFERENCES

1. Afinskaya Z.N. 2022. Funktsiya formanta quasi v protsesse interdiskursivno-go vzaimodeistviya (na materiale russkogo i frantsuzskogo yazykov) [The function of the *quasi*-formant in interdiscourse interaction (based on the Russian and French languages)]. *Bulletin of Moscow University. Ser. 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 89–96. (In Russ.)
2. Vishniakova O.D., Pankina Yu.A. 2014. Intertekstualnye vklucheniya v kognitivno-pragmaticheskom i perevodcheskom aspektakh [Intertextual inclusions in cognitive-pragmatic and translation aspects]. *Bulletin of Moscow University. Ser. 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 71–80. (In Russ.)
3. Gretskaya S.S. 2022. Prostranstvo kak kommunikativnyi kod i kognitivno-funktsionalnoye modelirovaniye akkultratsii v khudozhestvennom tekste [Space as a communicative code and cognitive and functional modeling of acculturation in a belles-lettres text]. *Bulletin of Moscow University. Ser. 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 58–67. (In Russ.)
4. Gurevich T.M., Izotova N.N. 2019. Entomologicheskii kod yaponskoj kultury [The entomological code of Japanese culture]. *Japanese Studies*, no.1, pp. 73–93. (In Russ.)
5. Kozhanov D.A. 2022. Fenomen interdiskursivnosti v angloyazychnoy met-aliterature. [The phenomenon of interdiscursivity in English metafiction]. *Language and culture*, no. 59, pp. 37–53. (In Russ.)
6. *Mir nasekomykh v prostranstve literatury, kultury i yazyka. Kollektivnaya monografiya* [The world of insects in literature, culture and language]. 2020. Ed. by A. Smirnov. Moscow: Knigodel, Moscow State Pedagogical University. (In Russ.)
7. Olizko N.S. 2007. Interdiskursivnost kak kategoriya postmodernistskogo pisma [Interdiscursivity as the category of postmodern fiction]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, no. 15, pp. 95–104. (In Russ.)
8. Papulova Yu.K. 2015. Markery interdiskursivnosti v romanah P. Akroyda i problema ikh sokhraneniya v perevode [Markers of interdiscursiveness in P. Akroide's novels and the problem of their maintaining in translation]. *Philology. Theory & Practice*, no. 5 (47), pp. 132–138. (In Russ.)
9. Polubichenko L.V. 2025. Topologiya “chuzhogo slova” v angliyskikh i russkikh alluzivnykh zaglaviyakh [The Topology of “Others’ Words” in English and Russian Allusive Titles]. *The Humanities and Social Studies in the Far East*, vol. XXII, no. 1, pp. 208–217. (In Russ.)

10. Heard S. 2022. *Usonogij rak Charl'za Darvina i pauk Djevida Boui: Kak nauchnye nazvanija vospevajut geroev, avantjuristov i negodjaev* [Charles Darwin's barnacle and David Bowie's spider: How scientific names celebrate adventures, heroes, and even a few scoundrels]. Moscow: ANF (In Russ.)

11. Zimmer D.E. *A Guide to Nabokov's Butterflies and Moths*: Web version, 2012. URL: <http://www.d-e-zimmer.de/eGuide/PageOne.htm> (accessed: 25.10.2024).

Статья поступила в редакцию 30.03.2025;
одобрена после рецензирования 25.05.2025;
принята к публикации 27.06.2025.

The article was submitted 30.03.2025;
approved after reviewing 25.05.2025;
accepted for publication 27.06.2025